

Дуань Юньшэнь честно ответил:

— Не могу сказать, что хочу, но и не могу сказать, что не хочу. Для меня сейчас всё и так хорошо.

Есть еда, есть питьё, выполнять задачи легко.

Если бы только эта старая ведьма держалась подальше от моего лиса, жизнь была бы идеальной — ну, и ещё одно, если бы этот лис был бы чуть безопаснее.

Дуань Юньшэнь:

— Ваше Величество, почему вы вдруг спросили об этом?

Цзин Шо небрежно ответил:

— Ничего.

Просто хотел дать Дуань Юньшэню более высокий статус, но, судя по его реакции, возможно, поскольку он мужчина, это его не особо волнует.

Цзин Шо хорошо знал, что он уже подвёл всё к краю пропасти. Планирование смерти Се Мяо было лишь началом хаоса в империи, все злые дела, совершённые в прошлом, теперь созрели.

Эта шаткая империя вот-вот рухнет, и времени у него осталось совсем немного.

Этот так называемый «последний срок» он сам себе установил, поэтому принимал его спокойно.

Осталось мало времени, поэтому он и не возражал против лекарства, подаренного Великой вдовствующей императрицей, и выпил его без колебаний. В конце концов, он скоро умрёт, так зачем мучить себя, отказываясь от лекарства, чтобы только причинить себе больше страданий?

Что касается вопроса, хочет ли Дуань Юньшэнь стать императрицей, это было не в его планах, просто он невольно подумал об этом, глядя на него, и спросил.

После того как он задал вопрос, он вспомнил, что скоро должен встретиться с Великой вдовствующей императрицей. Великая вдовствующая императрица потеряла опору в лице Се Ханьсиня, и теперь ей придётся больше полагаться на него, «марионетку». В этот момент попросить для своей любимой наложницы титул императрицы, вероятно, не будет для неё слишком большой жертвой.

Дуань Юньшэнь был его привязанностью к этому миру.

Но он прожил всю свою жизнь, и этот мир был к нему слишком жесток. Сладость Дуань Юньшэня пришла слишком поздно, и даже если была какая-то тень сожаления, она не могла остановить его ненависть.

Цзин Шо:

— Раз любимая наложница сама не может решить, хочет ли она, может, сначала попробует?

Неспособность отпустить ненависть неизбежно ведёт к разлуке.

Но пока разлука ещё не наступила, он хотел ценить каждое мгновение. Это было желание сделать что-то для другого, порадовать его.

Дуань Юньшэнь, конечно, не знал, сколько извилин было в голове у Цзин Шо, подумал и отказался от этого предложения.

Стать императрицей не принесёт никаких преимуществ, жизнь останется такой же.

Все эти неприятности начались из-за того, что он не выпил тот противозачаточный отвар, и теперь Великая вдовствующая императрица, вероятно, готова его растерзать. Если тиран вдруг повысит его до императрицы, эта старая ведьма точно сойдёт с ума.

Разве это не сплошной вред без какой-либо пользы?

Ради пустого титула «императрица» это не стоит того.

Цзин Шо:

— Действительно не хочешь?

Дуань Юньшэнь:

— Действительно не хочу.

Цзин Шо посмотрел на выражение лица Дуань Юньшэня, и оно не казалось притворным, поэтому он не стал настаивать.

После завтрака Цзин Шо отправился к Великой вдовствующей императрице. Её новая служанка Наньчжи уже приходила за ним, и Цзин Шо пообещал, что придёт после завтрака.

Дуань Юньшэнь, естественно, был обеспокоен и даже хотел пойти с ним.

Но потом подумал, что его присутствие вряд ли поможет, он всё равно не сможет защитить тирана. Его появление может даже иметь обратный эффект, ведь Великая вдовствующая императрица — это его бабушка, и если она не была зла на Цзин Шо, то, увидев его, может просто взорваться от гнева.

В конце концов, Дуань Юньшэнь проводил Цзин Шо до двери, наблюдая, как маленький евнух катит его инвалидное кресло, и вдруг вспомнил кое-что и побежал за ним.

Цзин Шо: ?

Дуань Юньшэнь посмотрел на незнакомого евнуха и не стал говорить напрямую, а подошёл к уху Цзин Шо и шепнул:

— Меня не пугает противозачаточный отвар, Ваше Величество, позаботьтесь сначала о себе.

Дуань Юньшэнь всё ещё был напуган тем случаем, когда Цзин Шо отравился.

Он думал, что в тот день у Цзин Шо был какой-то приступ болезни, и поскольку он рассорился с императрицей, то не мог вызвать врача, поэтому и не позволил ему это сделать.

Дуань Юньшэнь хотел отойти, но Цзин Шо схватил его за воротник.

Дуань Юньшэнь: ??

Цзин Шо поднёс губы к уху Дуань Юньшэня, и тот подумал, что он хочет что-то сказать, но ждал долго, а ничего не происходило.

Дуань Юньшэнь: ????

Что ты там мямлишь?

В конце концов, Цзин Шо злобно укусил его за мочку уха, не до крови, но больно.

Дуань Юньшэнь: ?!

Лисы — это собачьи, поэтому они любят кусаться, да?! Ты не мог бы избавиться от этой привычки?!

Я беспокоюсь о тебе, а ты кусаешь меня!

Дуань Юньшэнь быстро отпрянул, держась за больное ухо, в полном шоке.

Маленький евнух, с тех пор как попал во дворец, слышал, что этот тиран убивает, не моргнув глазом, но впервые увидел такое зрелище, сразу же отвел взгляд, и на его лице было написано: «Кто я? Где я? О, ветер сильный, я ничего не видел».

Цзин Шо, конечно, был немного зол, но не мог точно сказать, на что. Возможно, потому что его любимая наложница недооценивала его, а может, потому что она так небрежно относилась к своему здоровью.

Но он не мог ничего с этим поделать, хотел что-то сказать Дуань Юньшэню, но ни объяснения, ни гневные слова не подходили, и в этой смеси эмоций он не подумав укусил его.

Дуань Юньшэнь держался за мочку уха, растирая её большим и указательным пальцами, чтобы облегчить боль, его лицо полностью потеряло контроль, и он шипел от боли, казалось, ему было очень больно.

Цзин Шо уже спокойно отвернулся и приказал евнуху катить его дальше.

Великая вдовствующая императрица, услышав от Наньчжи, что этот сумасшедший император сказал, что позавтракает с наложницей Юнь, прежде чем прийти, естественно, почувствовала некоторое недовольство, но лишь нахмурилась, не проявляя других реакций.

В конце концов, сейчас этот тиран очень полезен, поэтому на такие мелочи можно закрыть глаза.

Когда Цзин Шо пришёл, Великая вдовствующая императрица сидела за занавеской, по-прежнему держась на расстоянии от тирана.

Хотя этот тиран и сумасшедший, но его ноги больше не слушаются, так что, держа дистанцию, можно чувствовать себя в безопасности.

Великая вдовствующая императрица, привыкшая к лицемерию, теперь притворно спросила, как поживает Цзин Шо в последнее время.

Она лишила его лекарства на долгое время, и если бы не его собственная подготовка, он бы

уже давно умер от абстинентного синдрома.

Все прекрасно понимали, что происходит, но теперь, услышав, как она так спокойно спрашивает об этом, любой импульсивный человек захотел бы разорвать ей рот.

Цзин Шо, однако, был сдержан, спокойно сидел в инвалидном кресле и холодно ответил:

— Всё в порядке, спасибо за заботу, бабушка.

Услышав такой ответ, Великая вдовствующая императрица невольно почувствовала дискомфорт, словно испугалась, но не хотела признавать это. В конце концов, в такой ситуации гнев был бы естественной реакцией, а её внук выглядел слишком спокойным.

Несмотря на бурю эмоций внутри, внешне она продолжала играть свою роль, и после нескольких обменов любезностями они перешли к главному.

Великая вдовствующая императрица великодушно разрешила Цзин Шо вернуться к участию в государственных делах, включая утренние приёмы, рассмотрение докладов и участие в обсуждении важных вопросов, позволяя ему принимать решения по некоторым вопросам — конечно, только по тем, которые не затрагивали её интересы. Кроме того, она восстановила регулярное снабжение лекарствами.

Цзин Шо выслушал это без особой реакции, всё это было в его планах, и не было причин для радости.

Напротив, он нашёл этот великодушный тон несколько ироничным. Если бы он не знал, что всё это было в его руках, он бы действительно подумал, что бабушка стала к нему добрее и готова передать ему власть.

Цзин Шо с холодной, но странной улыбкой спросил:

— Бабушка, почему вы так щедры на этот раз? Не бойтесь, что, получив власть, я устрою ещё больший переполох?

Великая вдовствующая императрица не спеша ответила:

— Шо, просто подумай о наложнице Юнь, прежде чем принимать решения.

В глазах Великой вдовствующей императрицы этот тиран ради наложницы Юнь сопротивлялся ей, долгое время лишённый лекарства, он, должно быть, сильно страдал, но не сдавался, что доказывало, насколько важна для него наложница Юнь.

Если лекарство не может его удержать, то наложница Юнь точно сможет.

Цзин Шо:

— Бабушка, это угроза?

[Авторские примечания, комментарии или пусто]